

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

П.А. Гудев

**КОНВЕНЦИЯ ООН
ПО МОРСКОМУ ПРАВУ: ПРОБЛЕМЫ
ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЖИМА**

Москва
ИМЭМО РАН
2014

УДК 347.79
ББК 67.404.2
Кон 64

Серия
“Библиотека Института мировой экономики и международных отношений”
основана в 2009 году

Рецензенты:
А.Н. Вылегжанин,
доктор юридических наук, профессор;
заведующий кафедрой международного права МГИМО(У) МИД РФ,
вице-президент Российской Ассоциации морского права,
заслуженный юрист Российской Федерации;
Г.Е. Гиголаев,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВИ РАН.

Кон 64

Гудев П.А. Конвенция ООН по морскому праву: проблемы трансформации режима. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. – 201 с.
ISBN 978-5-9535-0397-6

Монография посвящена современным тенденциям и противоречиям развития международного режима, сформированного Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года. Цель исследования – проанализировать формы и пределы применения норм этого универсального договора, регулирующего процессы освоения и эксплуатации пространств и ресурсов Мирового океана. Спустя 30 лет после принятия Конвенции все еще продолжают споры касательно трактовки её базовых положений. В условиях глобализации и формирования полицентричного миропорядка расширяется практика её использования в качестве инструмента международной конкуренции. Центральный вопрос исследования – сможет ли Конвенция стать подлинной «Конституцией морей», а сформированный ею режим быть востребованным в условиях развития институциональных элементов, принципов и практики глобального управления?

United Nations Convention on the Law of the Sea: Regime Transformation Problems. The 1982 United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS) is considered as the universal legal regulator towards maritime spaces and resources. However, many states are directly and indirectly violating its basic Articles and political practice of. This situation gives background for the main question of this book: has the UNCLOS become a genuine «Constitution» of the Seas; would the regime, generated by it, remain unchanged in the new international conditions?

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0397-6

© ИМЭМО РАН, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
1. ОСНОВНЫЕ ИТОГИ III КОНФЕРЕНЦИИ ООН ПО МОРСКОМУ ПРАВУ	18
1.1. Историко-идеологические предпосылки созыва Конференции	18
1.2. Международно-политическое значение Конференции	26
1.3. Политико-правовые последствия подписания Конвенции.....	31
2. ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ КОНВЕНЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	35
2.1. Нарушения конвенционного режима в зонах суверенитета приморских государств	37
2.2. Рост правопритязаний в зонах юрисдикции приморских государств..	57
2.3. Трансформация конвенционного режима в зонах за пределами национальной юрисдикции	75
3. ПОЗИЦИЯ США В ОТНОШЕНИИ КОНВЕНЦИИ.....	95
3.1. Обоснование необходимости ратификации.....	101
3.2. Критика конвенционного режима.....	110
3.3. Условия присоединения.....	120
3.4. Перспективы присоединения	133
4. РЕЖИМ КОНВЕНЦИИ В ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ СИСТЕМЕ ГЛОБАЛЬНОГО ОКЕАНИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ.....	140
4.1. Концептуальные основы изменения конвенционного режима.....	142
4.2. Практические направления развития конвенционного режима.....	154
5. МЕСТО КОНВЕНЦИИ В ИЕРАРХИИ ИСТОЧНИКОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА.....	170
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	175
ПРИЛОЖЕНИЯ	183
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	189

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АНТКОМ	Комиссия по сохранению морских живых ресурсов Антарктики
ВМС	Военно-Морские Силы
ВМФ	Военно-Морской Флот
ИМО	Международная морская организация
ИЭЗ	Исключительная экономическая зона
КУПЗ	Комплексное управление прибрежной зоной
МАРПОЛ	Конвенция по предотвращению загрязнения с судов
НМП	Новый мировой порядок
НМЭП	Новый международный экономический порядок
НТП	Научно-технический прогресс
ОМУ	Оружие массового уничтожения
ОНЧ	Общее наследие человечества
Орган	Международный орган по морскому дну
ОСПАР	Конвенция по защите морской среды Северо-Восточной Атлантики
ОУМП	Особо уязвимый морской район
ПОМ	Подводная окраина материка
Район	Международный район морского дна
СЗП	Северо-западный проход
СМП	Северный морской путь
ФАО	Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН
ICJ	International Court of Justice (Международный суд ООН)
MPA	Marine Protected Area (Морской защищенный район)
PSSA	Particularly Sensitive Sea Area (Особо уязвимый морской район, ОУМП)
UNEP	Межгосударственная программа ООН по окружающей среде (United Nations Environment Programme)

ВВЕДЕНИЕ

В 2012 г. исполнилось ровно 30 лет с момента заключения Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и открытия ее для подписания. Это произошло 30 апреля и 10 декабря 1982 г. соответственно. В декабре 2013 г. состоялся 40-летний юбилей с даты начала проведения III Конференции ООН по морскому праву, итоговым документом которой стала вышеупомянутая Конвенция. 16 ноября 2014 г. исполняется ровно 20 лет с момента вступления Конвенции в силу.

За прошедшие десятилетия система международных отношений претерпела значительные трансформации. Распался миропорядок, строившийся на противоборстве двух сверхдержав, миновал так называемый «момент однополярности» и начало формироваться новое мироустройство, сочетающее в своей структуре элементы иерархичности и полицентричности¹. Изменились условия развития межгосударственной экономической и политической конкуренции – она нарастает вместе с ростом глобальной взаимозависимости. Наряду с государствами все более активную роль стали играть негосударственные субъекты мировой экономики и политики – транснациональные корпорации, международные межгосударственные и неправительственные организации. В ряде регионов мира развиваются интеграционные процессы, в том числе связанные с созданием наднациональных режимов и органов². Усложняется архитектура международных институтов. Этот новый мир существенно отличается от того, в котором происходила разработка и принятие Конвенции 1982 г.

В этих условиях особую актуальность приобретает ряд вопросов, касающихся самой Конвенции, практики ее применения и развивающегося на её основе политико-правового режима, формирование которого еще окончательно не завершено. Насколько этот режим соответствуют изменившейся международной экономической и политической реальности? Какие противоречия исполнения конвенционного режима и конфликты между

¹ Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант. – Под ред. А.А. Дынкина. – М.: Магистр, 2012. – С. 37-96.

² См.: Транснациональные политические пространства: явление и практика. – Отв. ред. М.В. Стрежнева. – М.: Весь мир, 2011.

Введение

государствами, которые связаны с его нарушением, проявляются в различных регионах мира? Есть ли будущее у режима Конвенции, и каковы объективные и субъективные пределы его имплементации? Ответы на эти вопросы могут быть получены лишь путем анализа и обобщения как предшествующей, так и текущей практики применения её норм и положений, а также прогнозной оценки перспектив развития и трансформации конвенционного режима.

В научной литературе и политической публицистике за Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. закрепился статус своеобразной «Конституции морей». Многие дипломаты, юристы-международники и политологи считают ее выдающимся достижением международного сообщества, уступающим по своему значению лишь Уставу ООН³. Большинство специалистов в области международного права склонны рассматривать Конвенцию в качестве «всеобъемлющего уникального международного договора, исторической вехи в области кодификации и прогрессивного развития международно-правовых норм, призванных регламентировать режим использования Мирового океана и регулировать основные виды деятельности по его использованию, изучению и освоению»⁴. Такая, во многом идеалистическая оценка Конвенции обусловлена целым рядом объективных изначальных обстоятельств:

- Её разработка в рамках III Конференции ООН по морскому праву заняла рекордные 9 лет: с 3 декабря 1973 г. по 10 декабря 1982 г. Если же считать отправной точкой 18 декабря 1967 г. – дату формирования Комитета по морскому дну (Ad Hoc Committee on the Peaceful Uses of the Sea-Bed and the Ocean Floor beyond the Limits of

³ Конституция для океанов. Высказывания Председателя Третьей Конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву Томи Т.Б. Ко (Сингапур) [Электронный ресурс]: Официальный сайт ООН URL: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/koh_russian.pdf (дата обращения 12.07.2013).

⁴ Larson D. Conventional, customary, and consensual law in the United Nations convention on the law of the sea// Ocean Development and International Law. – 1994. – vol. 25. – №1. – p. 83. – Цит. по: Колодкин А.Л., Гуцуляк В.Н., Боброва Ю.В. Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы. – М.: Статут, 2007. – С. 25.

the National Jurisdiction, Резолюция ГА ООН 2340(XXIII)), – то эта цифра может быть увеличена до внушительных 15 лет.

- К этому процессу было привлечено значительное количество государств: так, если в I Конференции ООН по морскому праву 1958 г. участвовало всего 86 стран, то в данном случае их число увеличилось до 160⁵. Кроме того, к участию в Конференции были допущены не только все члены ООН, но и целый ряд межгосударственных и неправительственных организаций в качестве наблюдателей⁶.

- Разработка Конвенции изначально преследовала весьма амбициозную цель: охватить все аспекты использования пространств и ресурсов Мирового океана в их совокупности, учитывая, что все они взаимосвязаны между собой.

Несмотря на универсальный характер Конвенции 1982 г., спустя 30 лет после момента ее принятия все еще ведутся споры относительно применения и трактовки тех или иных ее статей. Более того, значительное количество государств по-своему интерпретируют ее базовые положения, другие – прямым образом нарушают те или иные конвенционные нормы. Около четверти государств-участников Конвенции действуют подобным образом. Это существенным образом дискредитирует и подрывает сформированный ею режим.

Не всегда эти нарушения имеют какое-либо практическое воплощение. Зачастую, речь идет лишь о том, что на уровне национального законодательства, например в Конституции того или иного государства, сохраняются или же вводятся нормы, которые

⁵ Полный список участников представлен здесь: Заключительный Акт Третьей Конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву. Раздел II «Участие в Конференции» – С. 230-231 [Электронный ресурс]: Официальный сайт ООН URL: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/final_act_rus.pdf (дата обращения 11.07.2013).

⁶ Пункт 7 Резолюции ГА ООН №3067 (XXVIII) «Сохранение исключительно для мирных целей дна морей и океанов и его недр в открытом море за пределами действия существующей национальной юрисдикции, а также использование их ресурсов в интересах человечества и созыв конференции по морскому праву» от 16 ноября 1973 г. [Электронный ресурс]: Официальный сайт ООН URL: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/3067\(XXVIII\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/3067(XXVIII)) (дата обращения 13.07.2013).

Введение

идут в разрез с конвенционными установками. Если же проследить страновой состав «нарушителей», то ситуация здесь выглядит следующим образом: в большинстве своем это государства Юго-Восточной Азии, Латинской Америки и Африки. Наиболее распространёнными примерами нарушений являются: ограничение права мирного прохода через территориальное море приморского⁷ государства, в особенности в отношении военных кораблей; претензии на расширение своих прав и полномочий, прежде всего, касательно обеспечения безопасности, в прилежащей зоне; ограничение свободы судоходства в Исключительной экономической зоне.

Причина этого во многом заложена в тех механизмах и моделях ведения переговоров и принятия решений, которые были использованы в ходе проведения III Конференции ООН по морскому праву. Консенсусный подход, предполагающий лишь общую поддержку и отсутствие письменных возражений, закладывал основы будущего несогласия с теми или иными конвенционными нормами. Пакетный подход, когда целый ряд вопросов объединялся в одну тематику и уже по ней в целом принималось окончательное решение, также не способствовал тому, чтобы все противоречия были нивелированы. Закрытый характер переговоров, отсутствие стенограмм заседаний, обсуждение в группах по интересам, с одной стороны, способствовали разработке универсального соглашения, а с другой – давали возможность наиболее искушенным в дипломатии участникам более искусно отстаивать свои интересы, игнорируя устремления других государств.

Ситуация усугубляется тем обстоятельством, что институты, предусмотренные Конвенцией 1982 г. для урегулирования споров и конфликтов, – Международный Суд, Международный Трибунал по морскому праву, Арбитраж и Специальный Арбитраж, – за редким исключением, не задействованы для решения этих задач. Ни Совет Безопасности ООН, ни ООН в целом, по тем или иным причинам не

⁷ Употребление в данной работе термина «приморские» вместо конвенционного «прибрежные» (coastal) обусловлено тем обстоятельством, что семантическое значение слова «приморское» более точно отражает положение государства, имеющего непосредственный выход к морю. Более того, с точки зрения некоторых отечественных исследователей, можно полагать, что в процессе перевода текста Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. на русский язык, этот аспект не был учтен должным образом.

участвуют в контроле над исполнением конвенционных норм со стороны других государств. По мнению ряда экспертов, назрела объективная потребность изменения существующей ситуации и разработки тех или иных инструментов, которые бы гарантировали соблюдение положений конвенционного режима.

Неучастие крупнейшей морской и военно-морской державы – Соединенных Штатов – в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. еще более подрывает установленный ею режим. При этом США не только не присоединились к вышеуказанной Конвенции, но и к целому ряду других международных договоров, которые касаются Мирового океана (Конвенция о биологическом разнообразии, Конвенция об охране подводного культурного наследия). Каждый раз такой шаг со стороны США объясняется тем, что эти международные соглашения в целом или же их отдельные положения не соответствуют американским национальным интересам. Их учет всегда ставится Вашингтоном превыше всего, а соблюдение норм национального законодательства зачастую объявляется более приоритетным, чем следование договорным нормам⁸.

Несмотря на то, что США не участвуют в Конвенции 1982 г., они являются, единственным государством, которое силами своих экспертов, прежде всего действующих и бывших представителей Военно-морских сил, ведет постоянный мониторинг неисполнения конвенционных норм и формирует повестку их международного обсуждения. Именно военно-морское экспертное сообщество США с регулярной периодичностью выпускает «Справочные руководства по морским правонарушениям»⁹. Авторитетные американские эксперты ведут значительную работу на этом направлении: в 2012 г. увидело свет уже третье издание книги Эшли Роуча и Роберта Смита

⁸ Об этом применительно к Арктике см.: Гудев П.А. Приоритеты США в Арктике // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – №9. – С. 49-60.

⁹ Maritime Claims Reference Manual. U.S. Department of Defense, Under Secretary of Defense for Policy, June 23, 2005. The Navy Judge Advocate General's Corps. [Электронный ресурс] URL: <http://www.jag.navy.mil/organization/documents/mcrm/MCRM.pdf> (дата обращения: 27.03.2014).

Введение

«Чрезмерные морские правопритязания»¹⁰. Этот труд – наиболее фундаментальное исследование по данной проблематике.

Что касается нашей страны, то в ст. 15(4) Конституции Российской Федерации декларируется, что «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»¹¹. В этом отношении Россия взяла на себя обязательства по приведению своего национального законодательства в соответствии с положениями международных договоров и конвенций, участницей которых она является.

26 февраля 1997 г. Президентом РФ Б.Н. Ельциным был подписан Федеральный закон №30-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву и Соглашения об осуществлении части XI Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву». Затем сразу же после ратификации Конвенции 16 июня 1997 г. премьер-министр В.С. Черномырдин поставил свою подпись под Постановлением Правительства №717 «О порядке утверждения перечней географических координат точек, определяющих линии внешних границ континентального шельфа Российской Федерации». Тем самым был инициирован процесс применения положений ст. 76 Конвенции 1982 г. к определению протяженности российского континентального шельфа за пределами 200-мильной зоны от исходных линий.

Российская Федерация стала первым государством из всех приморских, в том числе арктических, подавшим 20 декабря 2001 г. официальное представление (заявку) в Комиссию по границам континентального шельфа в отношении Северного Ледовитого и Тихого океанов. Тем самым был пройден своеобразный

¹⁰ Roach J. Ashley, Smith W. Robert. *Excessive Maritime Claims*. – 3rd ed. – Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2012. – 925 p.

¹¹ Статья 15 (4). Глава 1. Основы конституционного строя. Раздел первый. Основные положения. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm> (дата обращения: 30.03.2014).

исторический рубеж: Конвенция стала во все большей степени рассматриваться в качестве ключевого и универсального правового регулятора в Арктике, морском районе, который долгие годы в силу климатических условий и военно-политического противостояния времен «холодной войны» был фактически закрыт для большинства неарктических государств.

Перспективы расширения возможностей по осуществлению различных видов морехозяйственной деятельности в Арктике, обусловленные прогнозируемым уменьшением ледового слоя, вызвали повышенный интерес со стороны других приморских и внутриконтинентальных государств. Предоставленные им в рамках Конвенции 1982 г. возможности по осуществлению тех или иных видов экономической деятельности как в зонах юрисдикции арктических государств (например, в ИЭЗ), так и за ее пределами (например, в открытом море), стали рассматриваться ими в качестве главного свидетельства изменения политико-правового статуса этого морского региона. Разработанное арктическими странами национальное морское законодательство было объявлено зависимым от положений Конвенции 1982 г.

Однако такое абсолютизированное отношение к Конвенции не совсем корректно, как минимум, в силу того, что сам сформированный ею режим, отличается высокой степенью фрагментарности, о чем свидетельствуют факты нарушения конвенционных норм и практика их расширительного толкования.

Кроме того, положения ст. 76 Конвенции о проведении линии разграничения между континентальным шельфом и Международным Районом морского дна вплоть до сегодняшнего момента не могут рассматриваться в качестве обычных норм международного права¹². Учитывая, что в ходе переговоров в рамках III Конференции ООН по морскому праву (1973-1982) достичь консенсуса относительно применения принципа общего наследия человечества (ОНЧ) не удалось и многие государства выступали против вводимого режима, попытки считать концепцию ОНЧ обычной нормой международного

¹² Harrison J. Making the Law of the Sea: a study in the development of international Law. – N.Y.: Cambridge University Press, 2011. – P. 51-59.

Введение

права – не что иное, как опасное политико-правовое заблуждение¹³. Спекуляции на тему необходимости распространения концепции ОНЧ на весь арктический регион, а не только ресурсы дна и недр пока еще не сформированного здесь Международного района морского дна, и вовсе не соответствуют нормам международного морского права.

При анализе применения норм Конвенции в отношении Арктики и в других сходных случаях следует также учитывать и целый ряд особых обстоятельств, связанных с глобальной трансформацией самого конвенционного режима.

Во-первых, режим открытого моря становится все менее свободным для осуществления тех или иных видов морехозяйственной деятельности. В перспективе можно ожидать, что масштабы регулирования в этом районе Мирового океана будут значительно увеличены. Реализация свобод открытого моря во всем большей степени ставится в зависимость от исполнения задач по защите и сохранению морской среды и ее биологического разнообразия.

Во-вторых, продолжается практика расширения полномочий приморских государств в зонах их непосредственной юрисдикции, прежде всего, в ИЭЗ. В пределах ИЭЗ приморские государства не наделены какой-либо компетенцией в сфере обеспечения безопасности, тем менее, практика расширительного толкования понятия «безопасность» предполагает наличие таких её видов, как продовольственная, ресурсная, экологическая. Китай, например, доказывает, что использование гидролокаторов военными кораблями иностранных государств оказывает негативное воздействие на морских млекопитающих и состояние рыбных запасов в его ИЭЗ, что дает ему легальные основания настаивать на запрете этого вида деятельности.

Это приводит к тому, что их обеспечение в пределах ИЭЗ становится все более распространенным. Результатом является ограничение прав третьих стран в этих морских акваториях. В силу

¹³ Такого мнения, в частности, придерживается заместитель Генерального секретаря Международного Органа по морскому дну М. Лодж. – См.: Lodge W. M. The Common Heritage of Mankind // The Law of the Sea Convention at 30: Success, Challenges and New Agendas. – Ed. by D. Freestone. – Leiden, Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2013. – P. 60.

данных тенденций уже проявляются изменения в восприятии тех или иных конвенционных норм руководством многих государств и даже международными экспертами. Весьма вероятно, что ограничение свободы судоходства в исключительной экономической зоне все больше будет рассматриваться как вполне законная практика.

В-третьих, все чаще «экологический императив» интерпретируется государствами в качестве движущей силы развития международного морского законодательства. Экологическая проблематика становится доминирующей в области регулирования морской деятельности. Можно предположить, что именно она будет выполнять в перспективе одну из решающих функций в процессе институционализации глобального права, пытающегося подчинить себе существующие международные правовые нормы. При этом государства будут продолжать оставаться ключевыми субъектами, использующими международные нормы в своих интересах, что, свою очередь, будет способствовать росту дальнейших противоречий.

Применительно к арктическому региону всё это означает, что Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г., апелляции к необходимости безукоризненного соблюдения положений которой все чаще раздаются со стороны неарктических государств, нельзя рассматривать в качестве единственного применимого правового регулятора¹⁴. Исторически сложившаяся практика арктических стран, прежде всего по реализации в этом морском регионе своего национального морского природоохранного законодательства, не должна подменяться обязательством следовать исключительно нормам Конвенции. Фактически не оспариваемый в течение столетия особый правовой статус этого морского региона не должен окончательно сбрасываться со счетов в тех или иных вопросах (например, относительно регулирования судоходства на трассе российского Северного морского пути).

Несмотря на то, что Северный Ледовитый океан не может быть приравнен к «замкнутому или полужамкнутому морю» в рамках ст. 122 Конвенции 1982 г., предусматривающей возможность введения региональной координации, вряд ли объективным будет его отождествление как по площади и глубинам, так и по экологической

¹⁴ См.: Гудев П.А. Перспективы формирования международного режима в Арктике // Международная жизнь. – 2014. – №2. – С. 88-101.

Введение

уязвимости, с другими океанами. В этой связи разработка особой модели регионального управления, основанной в первую очередь на взаимодействии пяти арктических государств, по примеру других морских регионов (Балтийское, Средиземное моря), представляется целесообразной. В условиях, когда национальный уровень регулирования со стороны каждой из арктических стран зачастую приводит к росту противоречий, а вопрос возрождения секторального подхода не находит консенсуса между ними, региональный уровень взаимодействия и координации представляется единственно востребованным. Только при такой модели управления возможно своевременное реагирование на любые чрезвычайные ситуации в регионе (авария танкера, разлив нефти). Глобальный уровень, опирающийся исключительно на режим Конвенции 1982 г., в отличие от регионального, как представляется, будет наименее эффективным в таких условиях. Особый уровень ответственности арктических государств за всеобъемлющую безопасность в Арктике может и должен, наряду с историческими правооснованиями, служить основой их особых полномочий в отношении регулирования различных видов морехозяйственной деятельности в этом регионе.

Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. и ее режим были и остаются предметом научных и политических дискуссий, разворачивающихся по широкому кругу трудных вопросов интерпретации и применения её норм и положений. Начало этим экспертным дебатам было положено еще в период разработки самого документа. С самого начала здесь был слышен голос отечественных специалистов.

Советская политическая и международно-правовая литература посвящённая анализу конвенционного режима весьма объемна. Однако для нее зачастую характерно преимущественно апологетическое отношение к данному международному договору, что обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, активное участие Советского Союза в разработке текста Конвенции мотивировалось не только защитой своих собственных экономических и стратегических интересов, сколько стремлением продемонстрировать готовность защищать интересы развивающихся стран, значительная часть из которых обрела независимость лишь во второй половине XX столетия. Такая идеологическая направленность ограничивала возможность вынесения критических оценок. Во-

вторых, пик публикационной активности по анализу конвенционного режима, по изучению различных аспектов международного морского права в связи с его разработкой и принятием, пришелся преимущественно на вторую половину 1980-х – начало 1990-х гг.¹⁵ Соответственно, эти работы увидели свет до того, как Конвенция вступила в силу в ноябре 1994 г. и до того, как было принято Соглашение об осуществлении Части XI Конвенции, ставшее первой крупной ревизией этого международного договора. Несмотря на эти идейно-политические и хронологические ограничения, в ИМЭМО АН СССР в 1980-е гг. был также подготовлен ряд фундаментальных исследований, в которых предельно объективно анализировались проблемы функционирования конвенционного режима¹⁶. Большая часть положений этих работ продолжает сохранять свое научное значение вплоть до сегодняшнего времени.

Окончательное вступление Конвенции в силу в 1994 г. привело к тому, что произошло относительное снижение внимания отечественных исследователей к международным политическим и правовым проблемам развития сформированного ею режима. Работы, обобщающие правоприменительную практику Конвенции за прошедшие с момента ее принятия десятилетия, достаточно редки¹⁷. Анализ конвенционного режима, за исключением сугубо правовых исследований по конкретно-фрагментарным аспектам международного морского права, привлекает все меньшее внимание

¹⁵ Мировой океан и международное право. Основы современного правопорядка. – Отв. ред. Мовчан А.П., Янков А. – М.: Наука, 1986; Мировой океан и международное право. Правовой режим морских прибрежных пространств. – Отв. ред. Мовчан А.П., Янков А. – М.: Наука, 1987; Мировой океан и международное право. Открытое море. Международные проливы. Архипелажные воды. – Отв. ред. Мовчан А.П., Янков А. – М.: Наука, 1988; Мировой океан и международное право. Защита и сохранение морской среды. – Отв. ред. Мовчан А.П., Янков А. – М.: Наука, 1990; Мировой океан и международное право. Правовой режим морских научных исследований и передача технологий. – Отв. ред. Мовчан А.П., Янков А. – М.: Наука, 1991.

¹⁶ Барсегов Ю.Г. Мировой океан: право, политика, дипломатия. – М.: Международные отношения, 1983; Любимов Л.Л. Мировой океан: арена противоборства и сотрудничества. – М.: Международные отношения, 1988; Мировой океан: экономика и политика. Международные проблемы освоения. – Под ред. Е.М. Примакова – М.: Мысль, 1986.

¹⁷ Мелков Г.М. 25 лет Конвенции ООН по морскому праву: достигнутые результаты и возможные перспективы // Российский ежегодник международного права, 2007. – СПб: Россия-Нева, 2008. – С. 107-132.

Введение

отечественных экспертов, так как сам режим рассматривается как некая устоявшаяся, статичная модель. Хотя, очевидно, что с принятием и вступлением Конвенции в силу само развитие международного морского права не остановилось. Более того, можно утверждать, что сам режим Конвенции все еще находится в стадии формирования и адаптации под новые международно-политические условия. Институциональные и даже правовые основы его применения по-прежнему крайне неустойчивы и периодически расшатываются в различных районах Мирового океана в силу различных коллизий и действий отдельных государств.

Современная зарубежная историография изучения конвенционного режима более обширна и расширяется каждый год на сотни работ. Под эгидой ООН ежегодно выходит библиографический сборник (*The Law of the Sea. A selected Bibliography*), в котором индексируются все ключевые исследования по данной проблематике. Каждая юбилейная дата, связанная с Конвенцией 1982 г., приводит к появлению ряда новых крупных публикаций, в которых подводятся промежуточные итоги функционирования конвенционного режима и перспектив его развития¹⁸.

В связи с такого рода отставанием отечественной науки в исследовании современных тенденций применения конвенционного режима крайне важно попытаться взглянуть на системные тенденции и противоречия, которые проявились еще в ходе разработки и принятия Конвенции, но продолжают сохраняться и развиваться в области исполнения и трактовки конвенционных норм сегодня. Наиболее перспективной методологией для этого может быть сочетание методов и подходов исторической и политической науки, а также международно-правового анализа. Именно такая научная задача комплексного исследования динамики развития режима Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. ставилась в ходе подготовки данной работы.

Кроме целей осуществления научного исследования, автор ставил перед собой практическую задачу – выявить те изменения в международном морском законодательстве, те тенденции

¹⁸ Среди таких работ можно выделить: *The Law of the Sea Convention at 30: Success, Challenges and New Agendas*. – Ed. by D. Freestone. – Leiden, Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2013.

трансформации конвенционного режима и его адаптации к новым международным политическим и экономическим условиям, которые должны быть учтены при формировании морской политики Российской Федерации на основных ее функциональных и региональных направлениях.

Автор выражает искреннюю признательность своим коллегам из Центра североамериканских исследований и других подразделений ИМЭМО РАН, давшим ценные советы в ходе подготовки данной монографии, участвовавшим в обсуждении ее концепции и отдельных идей, а также внутренним и внешним рецензентам. Хотелось бы также высказать слова благодарности ныне действующим и уже ушедшим из науки и жизни специалистам Центра «Мировой океан» и Центра научного сопровождения Морской коллегии при Правительстве Российской Федерации ФГБНИУ СОПС, в частности, д.воен.н. В.П. Синецкому.